

ЕГИПТОЛОГ И ЕГО ЭПОХА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ 1880–1940-х ГОДОВ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ В.С. ГОЛЕНИЩЕВА

© 2023 г. И. А. Ладынин^{а,*}

^аМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

*E-mail: ladynin@mail.ru

Поступила в редакцию 11.05.2023 г.

После доработки 20.05.2023 г.

Принята к публикации 29.05.2023 г.

Статья посвящена анализу документов основоположника отечественной научной египтологии В.С. Голенищева (1856–1947), хранящихся в отечественных и зарубежных архивах. Автор привлекает внимание к переписке Голенищева с коллегами, имея в виду отражение в них современных ему политических событий (от выступления Ораби-паши в Египте в начале 1880-х годов до событий кануна Второй мировой войны). Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о преимущественной аполитичности личной позиции учёного, который был прежде всего занят коллекционированием и исследованиями древнеегипетских текстов и явно видел в посильном сохранении привычной для него общественно-политической ситуации залог стабильности, необходимой для научной работы.

Ключевые слова: В.С. Голенищев, Российская империя, Египет, Франция, египтология, коллекционирование, русская революция, Первая мировая война, Вторая мировая война.

DOI: 10.31857/S0869587323060105, EDN: JPJZXZ

Основоположник отечественной научной египтологии Владимир Семёнович Голенищев прожил исключительно долгую жизнь. Он родился в 1856 г., за четыре года до отмены в России крепостного права, застал победу Советского Союза в Великой Отечественной войне и умер в 1947 г. в возрасте 91 года. Не приходится говорить о том, свидетелем скольких событий российской

и мировой истории он стал, и они повлияли на его судьбу самым непосредственным образом. Родившись в богатейшей петербургской купеческой семье, сам Голенищев не обладал коммерческой хваткой и с определённого времени передоверил ведение своих дел супругу своей сестры В.М. Вонлярьскому, решение которого принять участие в лесопромышленных предприятиях в Корее, лопнувших в результате русско-японской войны [1; 2, с. 11–17], в немалой степени способствовало разорению Голенищева. Это побудило Владимира Семёновича продать собранную им коллекцию восточных (прежде всего египетских) древностей государству, после чего она оказалась в московском Музее изящных искусств (ныне ГМИИ им. А.С. Пушкина) [3; 2, с. 121–161].

Первая мировая война и затем революция 1917 г. в России навсегда отрезали Голенищеву, осевшему после продажи своей коллекции во Франции, путь на родину, причём прекращение поступлений ренты за его коллекцию в 1918 г. вынудило его в возрасте 62 лет изменить уклад жизни и впервые искать оплачиваемую египтологическую работу. Во время Второй мировой войны

ЛАДЫНИН Иван Андреевич — доктор исторических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова.

Владимир Семёнович Голенищев

уже совсем старый и основательно больной египтолог находился в Ницце, на территории сначала свободной зоны Франции, управлявшейся властями Виши, а затем под прямой немецкой оккупацией, и, по словам русской эмигрантки и супруги французского египтолога Ирэн Клер, бедствовал, “как все мы” [2, с. 65, 66, 119].

На протяжении своей жизни Голенищев стал свидетелем многих событий. Личные документы египтолога, прежде всего обширная переписка, связывавшая его с коллегами едва ли не по всему миру, рисуют его живым, эмоциональным и во многом непосредственным человеком, довольно легко сходившимся с людьми и при этом обладавшим несколько противоречивым характером. Так, несмотря на огромный научный авторитет Голенищева, нельзя отделаться от ощущения, что ко многим своим коллегам, в частности, к главе берлинской школы древнеегипетской филологии А. Эрману, он обращался как бы снизу вверх, а его последовательное неприятие основных постулатов этой школы практически никогда не проявлялось в сколько-нибудь решительной полемике с тем же Эрманом [2, с. 248–266]. Истоки такой противоречивости видятся прежде всего в особенностях пути Голенищева в науку: не имея на

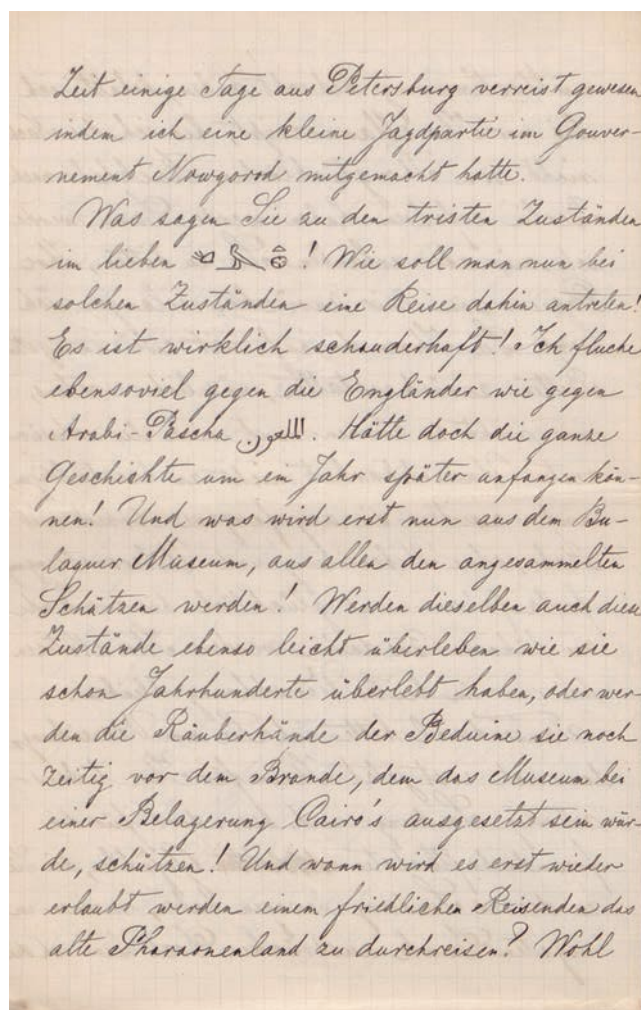
протяжении большей части жизни надобности в заработке и посвящая силы прежде всего собиранию и поддержанию в порядке своей коллекции, он, видимо, чувствовал себя, вопреки действительности, дилетантом в науке и не решался разговаривать с профессионалами на равных. Подобное самоощущение усиливалось свойственной Голенищеву деликатностью, которую, однако, не следует принимать за слабость: он умел решительно противостоять высокопоставленным российским чиновникам, а обрушивавшиеся на него удары судьбы принимал мужественно, умея вслед за ними найти для себя новое место в жизни.

Личные документы Голенищева рассеяны по большому числу архивов в России и за рубежом. В Санкт-Петербурге в Российском государственном историческом архиве находится большой массив источников, связанных с имущественными делами семейства Голенищевых [4] и с приобретением коллекции В.С. Голенищева в государственную собственность [5, 6], в Центральном государственном историческом архиве — документы об учёбе Голенищева в Первой Санкт-Петербургской гимназии и на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета [7, 8]. Значительный массив разных материалов о Голенищеве хранится в Отделе рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина [9], а документы, непосредственно связанные с его коллекцией древностей (её научная картотека и опись) — в отделе древнего Востока этого музея. Переписка В.С. Голенищева с основоположником отечественной университетской науки о древнем Востоке Б.А. Тураевым находится в фонде последнего в архиве Государственного Эрмитажа [10].

Вместе с тем обширные и значимые массивы документов хранятся в зарубежных архивах, среди которых выделяется Архив Центра Владимира Голенищева в Практической школе высших исследований (École pratique des Hautes Études) в Париже [11]. Именно здесь собраны материалы крупного исследования по синтаксису древнеегипетского языка, которое Голенищев предпринял в конце 1910-х и в 1920-е годы [2, с. 253–258], записные книжки и иные материалы, связанные с путешествиями учёного в Египет в последние десятилетия XIX в. [12], и переписка с несколькими десятками корреспондентов, среди которых практически все сколько-нибудь активно работавшие египтологи — современники Голенищева. Глубина этого комплекса переписки не столь велика, сколь хотелось бы: самые старые письма в нём относятся к началу 1910-х годов, то есть к тому времени, когда продавший свою коллекцию египтолог прочно осел на юге Франции в Ницце. Кроме того, важнейшие подборки писем Голенищева хранятся в архивных фондах западных египтологов — в фонде А.Х. Гардинера в Институте Гриффита Оксфордского университета (41 пись-

мо, написанное Голенищевым своему британскому коллеге и близкому другу с 1907 по 1945 г.) [13], в фонде Дж.Г. Брестеда в Восточном институте Чикагского университета [14], в фонде А. Эрмана в Городской и университетской библиотеке Бремена (пожалуй, только здесь можно обнаружить письма Голенищева, относящиеся к раннему периоду его биографии, начиная с 1880-х годов, и представляющие немалый интерес) [15]. Разумеется, этот обзор учитывает только крупные массивы документов В.С. Голенищева, в то время как единичные документы встречаются в ряде других отечественных архивных фондов. К сожалению, нам остался недоступен ряд местных архивов Франции (в частности, в Ницце), где могут содержаться свидетельства о последних десятилетиях жизни В.С. Голенищева, поэтому период 1930–1940-х годов пока остаётся недостаточно изученным¹.

Разговор о непосредственной теме настоящего исследования можно начать с того, что уже в годы отрочества В.С. Голенищева его семья соприкоснулась с русским двором благодаря браку его старшей сестры Надежды и ротмистра гвардии, командира эскадрона кавалергардов Н.М. Вонлярлярского [16, с. 250]. В 1871 г. Голенищевы, вероятно, в открывшихся им придворных кругах заводят знакомство с послом Греции Димитриосом Бунтурисом, который дарит юному Владимиру первый в его коллекции памятник — ушебти² Позднего времени (сейчас в ГМИИ им. А.С. Пушкина, инв. I, 1а 1672) [17, с. 128, 129]. Позже, когда молодой египтолог уже учился на Восточном факультете Петербургского университета, связи мужа сестры должны были открыть ему двери хранилища Императорского Эрмитажа, где зимой 1875–1876 гг. он обнаружил свиток с текстом знаменитого “Пророчества Неферти” — описания бедствий Египта в I Переходный период (XXIII–XXI вв. до н.э.) [2, с. 21, 22]. Н.М. Вонлярлярский сделал неплохую карьеру, уже в 1874 г. став полковником и адъютантом военного министра, а в дальнейшем дослужился до генерала от кавалерии. Правда, брак с ним сестры Голенищева распался в 1880 г. из-за романа с братом блестящего офицера, который стал её новым супругом [2, с. 359–360] и, как уже говорилось, управляющим делами её семейства; однако этот период жизни мог оказать на Владимира немалое воздействие, облегчив ему доступ к египетским древностям Петербурга. Чуждаясь снобизма, он всё же явно

Письмо В.С. Голенищева А. Эрману от 4 (16) июля 1882 г.
(Staats- und Universitätsbibliothek Bremen)

вынес и из своего воспитания в богатой семье, и из её придворных связей прочную уверенность, что именно устоявшийся истеблишмент даёт надёжную опору для всяких начинаний, а его потрясения, как говорится, не доводят до добра.

Первый из известных нам откликов В.С. Голенищева на события его времени обнаруживается в письме к А. Эрману, отправленном из Петербурга 4 (16) июля 1882 г. [15]. В это время в Египте под руководством Ораби-паши разворачивалось начавшееся в 1881 г. движение против господства европейских держав [18, с. 50–112; 19, р. 217–238]. 11 июня 1882 г. в Александрии начались нападения на европейцев, повлекшие за собой много жертв, затем было сформировано правительство с участием Ораби-паши в качестве военного министра, которое противостояло искавшему примирения с европейскими державами хедиву Тауфику, наконец 11 июля бомбардировкой Александрии флотом адмирала Сеймура началась британская

¹ Далее в целях компактности научного аппарата статьи мы цитируем большинство использованных нами документов по изданию [2]. В нём иноязычные документы приведены как на языке оригинала, так и в переводе на русский язык.

² Ушебти (др.-егип. “ответчик”) — фигурки, изображавшие усопшего и помещавшиеся в его гробницу, с тем чтобы они откликнулись на обращённый к нему призыв на работу на полях загробного мира и замещали его на таких работах.

интервенция в Египет, приведшая к подавлению антиевропейского движения и к оккупации страны [18, с. 102–104; 19, р. 231–233]. Письмо Голенищева написано Эрману в первую неделю британской интервенции:

“Что скажете Вы о печальных обстоятельствах в нашем любимом ? Как можно теперь при таких обстоятельствах отправиться в путешествие туда! Поистине это ужасающе! Я обрушиваю проклятия как на англичан, так и на Араби-пашу!.. Если бы только вся эта история могла начаться годом позже! И что теперь станет с Булакским музеем, со всеми собранными там сокровищами!⁴ Переживут ли они эти обстоятельства так же легко, как уже пережили столетия, или же грабительские руки бедуинов своевременно спасут их от пожара, которому будет предан музей при осаде Каира! И когда будет теперь впервые позволено мирному путешественнику проехать древнюю страну фараонов? Тяжёлый же выдался год! Так что теперь я потерял всякую надежду на моё планировавшееся путешествие”⁵.

Казалось бы, Голенищев сожалеет прежде всего об отложенной (видимо, запланированной на лето 1882 г.) поездке в Египет и о сохранности древних памятников, однако в его словах звучит, может быть, не глубоко продуманная, но искренняя оценка событий в стране. Учёный не приемлет ничего, что содержит в себе угрозу спокойному, поступательному ходу вещей, причём угрозу он видит не только в “бедуинах”, но и в готовых подавить их с применением силы англичанах. При опыте нескольких поездок в Египет и общении там не только с европейцами, но и с египтянами на их родном арабском языке Голенищев должен был сознавать обусловленность происходящего реальным положением в стране; однако оптимальным и наиболее разумным разрешени-

ем ситуации ему, видимо, представлялась её консервация и поиск вовлечёнными в неё сторонами компромисса.

Вместе с тем, когда в Египте установился режим английской оккупации, Голенищев, по-видимому, счёл его благоприятным для страны. Правда, в ходе его путешествий по Египту не обошлось без трений между ним и англичанами, что объяснялось соперничеством Британии и России на Востоке в ходе пресловутой Большой игры последних десятилетий XIX в. Так, когда он отправился в поездку в оазис Харга в начале 1891 г., к нему приставили английского офицера Чапмэна, который, очевидно, должен был за ним следить. Между Голенищевым и Чапмэном наладились добрые отношения, однако египтолог допускал, что англичанам “несколько подозрительным” показалось то обстоятельство, что во время моего путешествия к Красному морю я так усердно обращался с расспросами к моему проводнику и записывал чуть ли не от минуты до минуты направление пройденного пути” [12, с. 218] (видимо, имеется в виду путешествие к развалинам Береники — гавани эпохи Птолемея на побережье Красного моря — в конце 1888 г. [3, с. 164]). Похоже, оккупационные власти Египта считались с возможностью того, что под маской русского египтолога скрывается разведчик, стремящийся познакомиться с инфраструктурой их владений.

Тем не менее уже во время Первой мировой войны, летом 1916 г., Голенищев выражает своему коллеге Ф. Лл. Гриффиту соболезнования в связи с гибелью британского военного министра лорда Китченера на крейсере, подорвавшемся на mine по пути в Россию. В письме Владимир Семёнович вспоминает о том, как во время своего путешествия в Беренику он “много слышал от моих арабов о походах Китчина-паши в пустыне, которую сам исследовал” [2, с. 81]. Можно предположить, что военные усилия англичан в Северо-Восточной Африке вызывали у Голенищева одобрение, по крайней мере на словах. В письме А.Х. Гардинеру от 28 апреля 1919 г. (тогда решался вопрос о предоставлении Голенищеву работы в Египте по подготовке одного из томов Генерального каталога Каирского музея) он с откровенными опасениями говорит о движении протеста, которое началось в ответ на преследования британскими властями лидера партии “Вафд”⁶ Саада Заглула, боровшегося за независимость Египта: “Думаете ли вы лично, что можете подарить мне какую-нибудь надежду, думаете ли, что только печальные события в Египте виной тому, что моя

³ *Kmt*, Кемет — Чёрная (земля), обычное обозначение древними египтянами своей страны. Здесь Египет.

⁴ Музей Булак, будущий Каирский музей, созданный в 1863 г. по инициативе французского египтолога, основоположника систематического централизованного изучения древностей Египта О. Мариетта [20, р. 29].

⁵ Was sagen Sie zu den tristen Zuständen im lieben ! Wie soll man nun bei solchen Zuständen eine Reise dahin antreten! Es ist wirklich schauderhaft! Ich fluche ebensoviel gegen die Engländer wie gegen Arabi-Pascha!.. Hätte doch die ganze Geschichte um ein Jahr später anfangen können! Und was wird erst nun aus dem Bulaquer Museum, aus allen den angesammelten Schätzen werden! Werden dieselben auch diese Zustände ebenso leicht überleben wie sie schon Jahrhunderte überlebt haben, oder werden die Räuberhände der Beduine sie noch zeitig vor dem Brande, dem das Museum bei einer Belagerung Cairo's ausgesetzt sein werden, schützen! Und wann wird es erst wieder erlaubt werden einem friedlichen Reisenden das alte Pharaonenland zu durchreisen? Wohl schwerlich dieses Jahr! Darum habe ich alle Hoffnung auf meine projectierte Reise verloren. (Текст документа публикуется впервые.)

⁶ Название “Вафд” (“Делегация”) связано со стремлением египетских националистов обеспечить самостоятельное представительство Египта на Версальской мирной конференции 1919 г., подводившей итоги Первой мировой войны (подробнее см. [18, с. 180–206; 19, р. 247–250]).

судьба не может определиться? Считаете ли, что всё там скоро придёт в норму, особенно когда станет ясно, что прежний туризм может возобновиться? Я ведь уверен: страна продолжает страдать от того, что так долго была лишена снующих туда-сюда путешественников, которые, вне всякого сомнения, немало её обогащали» [2, с. 227, 228]. По-видимому, возможность спокойно путешествовать по Египту представляется Голенищеву главным условием благополучия страны. Несколькими годами позже его швейцарский корреспондент, значительно более искушённый в политике египтолог Э. Навильль оценивал движение «Вафд» более резко: «В Египте всё идёт не слишком хорошо. Мне нет нужды говорить вам, что я не испытываю ни малейшей симпатии к Заглулу и всей этой партии. Я знаю многих их вожаков, которые находятся в Женеве, знаю, чего они стоят и каковы их желания; они хотят вернуться к власти, чтобы эксплуатировать феллаха себе на пользу» (письмо от 31 декабря 1921 г.) [2, с. 289, 290]. Навильль явно рассчитывал на понимание Голенищевым того, что с точки зрения интересов простых египтян британская оккупация предпочтительнее, чем установление независимости под властью национальной буржуазии.

Примечательно, что именно провозглашение формальной независимости королевства Египет в 1922 г. и усиление позиций «Вафда» открыли перед Голенищевым новое, хотя и не очень долгое поприще. Как известно, в первой половине и середине XX в. основной идеологии возрождения стран Востока, которую генерировали их светские элиты, часто становилась апелляция к древности, и власти независимого Египта стремились поскорее подготовить национальные кадры египтологов. Весьма неприятно высказался о подобном стремлении в публицистической статье знаменитый русский антиковед М.И. Ростовцев: «Года три назад с большим шумом основан был университет европейского типа в Египте...⁷ Учить египетскую молодёжь призвали, конечно, варягов (своих не было). Но позвали их с опаской и недоверием. Заживутся, пожалуй, подлецы... Поэтому в «ударном»⁸ порядке создали свой кадр профессоров. Ничего, что они полужайки, зато свои. Создалось положение довольно нелепое и комическое. Иностраный кадр профессоров знает, что его дни сочтены. Год, другой — и попросят восвояси» [21, с. 444.]. В 1924–1929 гг. В.С. Голенищев в первый и в последний раз в своей жизни становится профессором в Ка-

ирском университете, заняв только что созданную кафедру египтологии [20, р. 51–53; 2, с. 61–63]. Упомянутая статья Ростовцева, написанная под впечатлением поездки в Египет в 1927 г. и содержащая почтительное упоминание Голенищева, была опубликована в 1928 г., когда до завершения профессорской карьеры Владимира Семёновича в Каире оставалось около года. Невольно думается, что присутствующая в этих строках безнадёжность могла быть навеяна впечатлением от разговора с соотечественником, который предчувствовал скорое расставание с университетом. Правда, за годы работы в Египте Голенищеву удалось подготовить несколько блестящих специалистов, а сменил его на этом посту Селим Хассан — хороший археолог с европейской подготовкой и с опытом работы в Каирском музее.

Само собой разумеется, что на первом этапе своей жизни, до отъезда во Францию, Голенищев регулярно соприкасался с властями Российской империи: не следует забывать, что, служа с 1880-го по начало 1917 г. в Императорском Эрмитаже, хотя и без жалования, которое ему было не нужно, он являлся чиновником, исправно продвигавшимся от одного гражданского чина к другому и получавшим ордена [2, с. 24, 25, 40, 41]. Во время поездки в Египет в ноябре 1890 г. Голенищев принял участие во встрече совершавшего кругосветное путешествие цесаревича Николая Александровича, будущего Николая II, и сопровождал его с другими египтологами в Верхний Египет, о чём без всякого низкопоклонства рассказал в отчёте для Восточного отделения Российского археологического общества [12, с. 211, 212]. Ожидаемо, что Голенищев не увидел ничего, кроме ненужных потрясений, в революции 1905 г., вызвавшей беспокойство за сохранность самых хрупких памятников его коллекции — папирусов, которые он отправил на хранение и реставрацию в Египетский музей в Берлине. Рассказывая об этом А.Х. Гардинеру в письме от 25 февраля 1912 г., он называет революционные события не иначе как «бедствия, беспорядки» (troubles) [2, с. 190, 191].

Наиболее тесным взаимодействием Голенищева с российскими государственными институтами оказалось в период продажи его коллекции в 1908–1909 гг., поскольку именно в их лице он стремился найти покупателя [3, с. 25–72; 2, с. 121–161]. Надо иметь в виду, что к этому времени в результате революции 1905 г. Россия превратилась из абсолютной в дуалистическую монархию: в руках императора были значительные личные средства, которыми распоряжалось Министество императорского двора, но утверждение расходов государственного бюджета перешло в ведение Государственной думы. Когда вопрос о продаже коллекции Голенищева только начинал обсуждаться (весна 1908 г.), те, кто оказывал ему в этом поддержку (Б.А. Тураев, С.Ф. Платонов,

⁷ На самом деле, речь должна идти не об основании Каирского университета (он был основан в 1908 г.), а о его преобразовании из частного в государственный.

⁸ Примечательно, как к месту Ростовцев, известный недоброжелатель Советской России, употребляет порождённый её бытом неологизм.

В.С. Голенищев на отдыхе в Мариенбаде (Богемия). 1903 г.

великий князь Константин Константинович, возглавлявший Академию наук), искали способ убедить императора купить коллекцию на его собственные средства, выплатив владельцу единовременно или в рассрочку значительную сумму (до 400 тыс. руб.). Однако Николай II категорически отказал и почти сразу принял решение вынести этот вопрос на рассмотрение Совета министров и далее в порядке законодательной инициативы в Думу.

Примечательно, насколько более надёжным Голенищеву и его помощникам представлялось взаимодействие непосредственно с монархом, а не с новыми законодательными учреждениями, которые, как предполагалось, могут затянуть принятие решения на неопределённый срок. Окончательная передача дела в Думу настолько разочаровала египтолога, что он стал рассматривать возможность продажи коллекции за грани-

цу. Однако весной 1909 г. Дума приняла положительное решение о покупке коллекции, которое должна была утвердить высшая инстанция — Государственный совет (см. письмо А.Х. Гардинеру от 27 марта (9 апреля) 1909 г. [2, с. 185, 186]). Привычка Голенищева к независимости и достойному отношению к себе, выработанная годами безбедной жизни, всё же сказывается и на этом этапе: в письме Р.И. Клейну от 20 июня 1909 г. И.В. Цветаев рассказывает о конфликтной ситуации, вызванной намерением министра народного просвещения А.Н. Шварца передать коллекцию Голенищева не в Музей изящных искусств, который тогда как раз создавался, а в какое-то “другое место”. Когда Голенищев высказал свои возражения, Шварц «принял было его “в штыки”»; но тот, человек ему неподвластный, большой барин и видавший виды больше Шварца, дал отпор...» [3, с. 85].

Особенно ярко запечатлелись в переписке В.С. Голенищева Первая мировая война и фактически сливающаяся с ней в его восприятии революция 1917 г. Драматическое впечатление производит обмен письмами А.Х. Гардинера и Голенищева накануне войны, 29 и 30 июля 1914 г. В первом из этих двух писем британский египтолог лишь косвенно упоминает “политическую ситуацию”, которая заставляет его отказаться от плана провести остаток лета в Финляндии [2, с. 219]. Позднее в воспоминаниях Гардинер признался, что был “слишком невежествен и безразличен к политике, чтобы хотя бы заподозрить предстоящую трагедию” [22, р. 28, 29]: как известно, большинство англичан и в самом деле не подозревали вплоть до начала августа 1914 г., что их страна в разворачивающихся событиях отступит от своего традиционного нейтралитета. Голенищев в той ситуации оказался куда более прозорливым, чем его британский коллега: “Всюду говорят о войне, и война и в самом деле кажется столь близкой, что сейчас и вправду трудно рассчитывать на будущее и сказать, где мы вскоре окажемся и чем мы станем”, — отвечает он Гардинеру в письме от 30 июля 1914 г. [2, с. 221]. Оба египтолога пребывали тогда на отдыхе в Германии, однако сумели покинуть страну без особых затруднений. В дальнейшем Голенищев, прежде чем окончательно осесть в конце 1915 г. на юге Франции, дважды посещает Россию. Совершенно “мирной” кажется его открытка, посланная Б.А. Тураеву в мае 1915 г. из Италии. В ней он говорит о впечатлениях от посещения проездом из России во Францию острова Корфу и жалеет, что ему с женой не удалось посетить знаменитую виллу Ахилеон, принадлежавшую сначала Елизавете Австрийской, а затем императору Вильгельму II [2, с. 80]. Несравненно более тревожным было возвращение Голенищева в Россию осенью 1915 г. через Сербию, непосредственно перед ударом по ней немецких

войск. Об этом он писал Э. Навиллю год спустя [2, с. 89, 90].

Как раз на этом этапе начинается довольно активная переписка Голенищева и Навилля, продолжавшаяся вплоть до 1920-х годов, в которой политическая тематика занимала значительное место. Происходивший из известной женевской семьи Э. Навилль, один из крупнейших египтологов XIX и начала XX в., проявил себя и в общественной деятельности [23, с. 76, 77]. В 1900–1914 гг. он возглавлял входившую в кантон Женевы коммуны Жанто (Genthod), а в годы Первой мировой войны был временным президентом Международного комитета Красного Креста. Его внешнеполитические симпатии оформились ещё в период франко-прусской войны, когда в начале 1871 г. он в качестве офицера швейцарской армии участвовал в интернировании в Швейцарии французской армии Бурбаки после её поражения при Лизене войсками фон Вердера. С этого времени он проникся неприязнью к пруссачеству и к Германской империи. Его письмо к Голенищеву от 25 декабря 1916 г. проникнуто сочувствием к Антанте, а также к тем египтологам, “кто борется с капральством немецкой школы” (имеется в виду догматичное отношение учёных берлинской школы А. Эрмана к установленным ими принципам описания древнеегипетского языка в семитологических категориях). Навилль сожалеет о недавней смерти принадлежавшего к оппонентам берлинской школы крупнейшего египтолога Г. Масперо и завалированно “вербует” Голенищева в свои союзники в противостоянии немецким коллегам, которое, как он ожидал, могло бы развернуться после победы Антанты в войне [23, с. 78–80; 2, с. 86, 87].

Можно только сожалеть о том, что нам пока не был доступен фонд Навилля в Библиотеке Женевы, где, судя по его описанию, хранится 27 писем В.С. Голенищева, в том числе и интересующего нас периода [24]. Однако отношение Голенищева к призыву Навилля прослеживается и по черновикам писем к нему, хранящимся в парижском архиве. В письме от декабря 1916 г. русский египтолог отделался от этого призыва достаточно общими словами, не обязывавшими его к конкретным действиям [2, с. 89–91]; однако неприятие Голенищевым берлинской школы резко обострилось после октября 1917 г. и особенно в начале 1918 г., когда он лишился поступающих до того регулярно платежей по ренте за приобретение российским государством его коллекции. В мае 1918 г. он пишет Навиллю письмо, в котором говорит об Октябрьской революции и Брестском мире следующее: «Моё несчастное отечество, управляемое шайкой бандитов и изменников, разодрано на клочки и попрано неприятелем — оно распадается, и мы теперь со скорбью и стыдом спрашиваем себя, кто мы такие. Вопреки все-

му, росток надежды жив в душе, и нельзя помещать себе верить, что придёт день, когда столь великая и прекрасная страна, какой была Россия, наконец, проснётся, что она воспрянет, что новый царь Амени появится, чтобы изгнать из неё неприятеля и изменников. Так что, по словам египетского мудреца, надо надеяться, что “справедливость вернётся на своё место, неправедность будет отброшена вовне”» [2, с. 106].

Примечательна чисто египтологическая ассоциация, которая звучит в словах Голенищева, цитирующего (в оригинале с приведением иероглифики и точными отсылками к подготовленному им изданию) фрагмент открытого им “Пророчества Неферти” с описанием исхода бедствий I Переходного периода. Упомянутый в этом фрагменте царь Амени — это Аменемхет I, которому приписывается окончательная стабилизация положения в стране и восстановление нормального хода вещей после долгой эпохи смут и экологических бедствий [25, р. 21–60]. Разумеется, выраженную Голенищевым надежду на появление подобного монарха в России не надо воспринимать как аллюзию на реставрацию дома Романовых — речь идёт именно о восстановлении нормы после её эсхатологического крушения. Патетические слова, которыми Голенищев описывает постигшую Россию катастрофу, предельно неконкретны и не могут быть иными: едва ли он имел сколько-нибудь отчётливое представление о том, что происходило в стране под властью большевиков. Вместе с тем сопоставление революционных событий с I Переходным периодом пришло на ум не ему одному. Ещё в 1912 г. А. Эрман высказал мнение, что ещё один памятник — “Речение Ипувера”, повествующее об этой эпохе в истории Египта, — нужно считать древнейшим описанием социальной революции; в 1919 г. Эрман повторил это суждение уже после поражения Германии в войне и крушения её монархии [26, 27]. А в некий не установленный точно момент после февраля 1917 г. такое же суждение высказал российский египтолог В.В. Струве, распространивший его, подобно Голенищеву, и на “Пророчество Неферти” [28; 29, с. 128–131]. Учёные сопоставили древнеегипетские описания бедствий страны с современными им революционными событиями независимо друг от друга: по-видимому, такая ассоциация оказалась для египтологов второй половины 1910-х годов совершенно естественной.

В конце 1918 г. Навилль и Голенищев обмениваются письмами, в которых обсуждают недавнее завершение войны, падение Германской империи и революцию в Германии. В письме 7 декабря 1918 г. Навилль недвусмысленно говорит о том, что Германию постигла та же судьба, которую в ходе войны она уготовила России: “Кто подумал бы всего месяц назад, что в течение нескольких

дней мы увидим внезапное падение Германии. От её великой мощи, от её спеси не осталось ничего. И даже та опасность, от которой она сегодня должна особенно обороняться, — это оружие, которым она воспользовалась против вас. Пользуясь услугами Ленина и Троцкого, чтобы дезорганизовать русскую армию и всю страну, она рыла себе могилу. Сегодня она платит за это” [23, с. 84, 85].

Голенищев и ранее явно связывал начало революции 1917 г. с происками “бошей” и с готовностью присоединился к мнению Навилля, отказавшись от прежней сдержанности и признавшись в письме к нему от 12 декабря 1918 г. даже в “ненависти к немцам”. С возвращением на родину военнопленных, о которых печётся в качестве главы Красного Креста Навилль, русский египтолог связывает возможность “изгнать из России это немецкое влияние, которое ещё задолго до войны украдкой просачивалось в Россию и которое, к несчастью, завораживало многих хороших и истинных сынов России”: “Я никогда не забуду ещё довоенных разговоров об этом с моим другом Тураевым, который в остальном был хороший русский и хороший патриот, но, в качестве профессора Петроградского университета, в египтологии верил лишь в то, что прошло рассмотрение и получило одобрение берлинских профессоров!” [2, с. 283, 284].

Казалось бы, “научное наступление” против немцев во главе с Навиллем и при участии Голенищева готово было начаться, однако вышло так, что в ситуации рубежа 1910–1920-х годов при очень прочных позициях берлинской школы египтологии, не поколебленных даже исходом мировой войны, оно не имело шансов на успех [2, с. 255]. Вместе с тем переписка Навилля и Голенищева приоткрывает нам ещё одну сторону восприятия русским египтологом революционных событий: он не верит в их внутренние, объективные предпосылки, считая, что они могут быть лишь инспирированы теми, кто в них заинтересован. Кстати, реакция Голенищева на революцию в России проявилась в изменении одной формальной детали его писем: если до 1917 г. он неизменно пишет в своей франкоязычной корреспонденции обращение “Vous” (Вы) с прописной буквы, согласно русской и вопреки французской норме, то после этого рубежа перестаёт это делать, видимо, считая теперь уместным, так сказать, отряхнуть прах со своих ног и полностью принять норму, принятую вне России.

В отличие от революции 1917 г. дальнейшие события жизни Советской России и СССР не находят отражения в переписке В.С. Голенищева. Трудно сказать, насколько уже очень молодой египтолог был в курсе того, что происходило у него на родине, однако нет сомнений, что советские реалии были безмерно далеки от него и от его

корреспондентов. Пожалуй, единственный случай, когда в его переписке упоминается один из советских коллег, — это предложение А.Х. Гардинеру в письме от 24 мая 1937 г. навести справки об особенностях списка “ономастикона Аменемопе”, принадлежавшего в своё время Голенищеву, у хранителя московского музея В.И. Авдиева [2, с. 234]. В ответ британский египтолог в письме от 16 декабря 1937 г. высказал более чем оправданное сомнение, что в текущей обстановке Авдиев станет ему отвечать [2, с. 237].

Более неожиданно, что в переписке Голенищева практически не затрагиваются события Второй мировой войны. Правда, в некоторых письмах можно найти намёки на обстановку её кануна. Например, начинающий египтолог русского происхождения М.В. Малинин сообщает Голенищеву 24 мая 1936 г., что “под влиянием событий сейчас наблюдается во французской египтологии вспышка научной ксенофобии”, так что “даже простое библиографическое указание... способно вызвать раздражение” [2, с. 306]. Повидимому, имеется в виду недоброжелательность к немецким египтологам, которая нарастала на фоне ремилитаризации Германией в марте 1936 г. Рейнской области. В конце 1938 г. Голенищев пишет другому происходившему из России египтологу Ж. (Г.С.) Познеру, что “ещё раз отправиться в Египет, чтобы там успокоить расхолодавшиеся нервы”, его с женой заставили “пережить в конце сентября тревожения” [2, с. 320]. Думается, что под “тревожениями” может иметься в виду страх перед возможной войной, охвативший Западную Европу накануне печально известного Мюнхенского соглашения. Как видим, упоминания событий кануна войны носят сугубо косвенный характер и даже не порождают уверенной их интерпретации.

Непосредственно в годы Второй мировой войны наиболее активная переписка связывала Голенищева с Ж. Сент-Фар Гарно — французским исследователем древнеегипетской религии, который, пожалуй, в наибольшей мере мог чувствовать себя учеником русского египтолога (именно ему Голенищев в 1943 г. поручил посмертное издание своего труда о древнеегипетском синтаксисе [3, с. 295]). Конечно, в их переписке, хранящейся в парижском архиве [11, Sainte-Fare Garnot], встречаются отсылки к событиям войны, затронувшим их лично. Так, целый блок писем февраля–апреля 1944 г. посвящён крайне неприятной для Голенищева возможности его эвакуации, как иностранного подданного, из приморской зоны Ниццы; а 28 декабря 1944 г. Гарно пишет ему, какими бедствиями для него и его друзей оказалось отмечено освобождение Парижа в августе 1944 г., когда отступавшие немцы сожгли замок, в котором они проводили лето. Единственная (и к тому же крайне несправедливая) оценка событий не

самой войны, а её кануна встречается в письме Гарно Голенищеву от 25 мая 1939 г., где он пишет (явно имея в виду мнимые успехи политики “умиротворения” Гитлера в 1938 – начале 1939 г.), что “мы ещё раз прошли мимо катастрофы, а моральный и военный подъём, о котором вы знаете, поставил нас в наилучшее положение” (*nous sommes une fois de plus passés à côté de la catastrophe et le redressement moral et militaire que vous savez nous à places en meilleure posture*). В дальнейшем на всём протяжении переписки военного времени политические события не упоминаются, в основном речь идёт о личных обстоятельствах или (в не меньшей степени, чем в мирное время) о вопросах египтологии. То же можно сказать и о переписке Голенищева с другими корреспондентами этого периода – исключительно французскими, поскольку международная переписка по понятным причинам была затруднена.

Невозможно представить себе, что события новой мировой войны совсем не волновали Голенищева, как и допустить хоть какое-то сочувствие Гитлеру и его целям. Думается, что решающим объяснением молчания относительно злободневных тем следует считать военную цензуру. Надо упомянуть, что на протяжении 1941–1942 гг. письма Гарно Голенищеву, шедшие из Парижа, то есть из зоны немецкой оккупации Франции, в “свободную зону” под властью правительства Виши, написаны (несомненно, по требованию тогдашних властей) исключительно на открытках, причём и объём писем жёстко лимитировался. Второе, наверное, менее значимое объяснение состоит в том, что в годы Первой мировой войны среди корреспондентов Голенищева, с которыми он поддерживал контакт, сложился прочный консенсус в пользу военных целей Антанты и её победы. Ко Второй мировой войне французское общество подошло несравненно более фрагментированным, и симпатии его интеллектуального класса распределялись по всему политическому спектру – от коммунистов до крайних правых (включая лояльность режиму Виши). Обсуждать с корреспондентами в этой ситуации политические события могло быть затруднительно, поскольку не всегда можно было ожидать понимания ими собственной позиции⁹.

Подводя некоторый итог сказанному, можно заключить, что В.С. Голенищев предстаёт перед нами человеком скорее аполитичным, лишённым идеологических пристрастий, видящим в государстве прежде всего условие обеспечения стабильности, необходимой для его комфорта и египтологической работы, и закономерно не приемлющим революции как помехи такой стабильности. Подобная позиция, безусловно, предподре-

делялась происхождением, воспитанием и образом жизни Голенищева, не слишком отличая его от других русских гуманитариев рубежа XIX–XX вв. Хорошо известно, что люди продуманных либеральных убеждений, подобные Р.Ю. Випперу или М.И. Ростовцеву, встречались среди них скорее как исключение, в то время как большинство из них придерживались нейтральных или консервативных взглядов [30, с. 65, 66].

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 19-18-00369-П “Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников)”.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барышников М.Н.* Судьба учёного и промышленника: К 160-летию со дня рождения В.С. Голенищева. 2015. <https://www.herzen.spb.ru/main/structure/inst/soc/sruct/ist/1549131655/1549131966/1549131993/> (дата обращения 10.05.2023).
2. Владимир Семёнович Голенищев и его коллекция восточных древностей / Под ред. И.А. Ладынина. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2022. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 221. Сер. II: Исторические исследования. 151).
3. Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1909–1912) / Сост. А.А. Демская и др. М.: Советский художник, 1987.
4. РГИА. Ф. 1102. Документы разных лиц, изъятые из сейфов частных банков и кредитных обществ, находившихся в Петрограде. Оп. 1. Д. 1223. Голенищев В.С., египтолог.
5. РГИА. Ф. 733. Департамент народного просвещения. Оп. 145. Д. 204. Дело о приобретении собрания восточных древностей В.С. Голенищева.
6. РГИА. Ф. 1276. Совет министров (1905–1917). Оп. 4. Д. 689. О приобретении на счёт казны коллекции египетских и восточных древностей, принадлежащих статскому советнику В.С. Голенищеву.
7. ЦГИА. Ф. 114. Петроградская 1-я мужская гимназия. Оп. 1. Д. 3403. Полупансионер Голенищев В.С.
8. ЦГИА. Ф. 14. Императорский Петроградский университет. Оп. 3. Д. 18404. Голенищев В.С.
9. Отдел рукописей Государственного музея Изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Коллекция XV. Материалы о В.С. Голенищеве и его коллекциях.
10. Научный архив рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа. Фонд 10. Б.А. Тураев. Оп. 1. Д. 158. В.С. Голенищев.
11. Archives du Centre Wladimir Golénisheff, École pratique des Hautes Études (ACWG), Paris.
12. *Ладынин И.А.* Путешествие В.С. Голенищева в Египет осенью и зимой 1890–1891 гг. (новый ар-

⁹ Приношу благодарность А.А. Немировскому, обратившему внимание на этот момент.

- живный материал) // Шаги / Steps. 2023. Т. 9. № 1. С. 206–229.
13. Griffith Institute, University of Oxford. Gardiner MSS.
 14. Oriental Institute, University of Chicago. Breasted, James Henry. Papers.
 15. Staats- und Universitätsbibliothek Bremen. Nachlass Adolf Erman. <https://brema.suub.uni-bremen.de/erman> (дата обращения 10.05.2023).
 16. Сборник биографий кавалергардов. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского её величества государыни императрицы Марии Фёдоровны полка / Ред. С. Панчулидзе. Т. 4: 1826–1908. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1908.
 17. Ладынин И.А. Две даты из биографии В.С. Голенищева // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской православной церкви. 2023. Вып. 110. С. 125–135.
 18. Кошелев В.С. Египет: от Ораби-паши до Саада Заглула, 1879–1924. М.: Наука, 1992.
 19. The Cambridge History of Egypt. V. 2: Modern Egypt, from 1517 to the End of the Twentieth Century / Ed. M.V. Daly. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
 20. A History of World Egyptology / Ed. A. Bednarski, A. Dodson, S. Ikram. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.
 21. Парфянский выстрел / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина и Ю.Н. Литвиненко. М.: РОССПЭН, 2003.
 22. Gardiner A.H. My Working Years. Second ed. Oxford, 1963.
 23. Ладынин И.А. Война, революция и египтология: переписка Эд. Навилля и В.С. Голенищева в 1916–1921 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской православной церкви. 2021. Вып. 98. С. 74–92.
 24. Papiers Edouard Naville. Correspondance classée par ordre alphabétique, adressée à Edouard Naville (1844–1926), égyptologue, professeur à l'Université de Genève et associé étranger de l'Institut de France. Correspondance Gayet – Guelfucci (v. 11). Ms. fr. 2521, f. 84–87, 90–97, 103–104, 106–117, 119–141, 143–154, 156–161, 165–166 (Golénischeff, W.) <https://archives.bge-geneve.ch/ark:/17786/vta623a1e56c74359be> (дата обращения 10.05.2023).
 25. Posener G. Littérature et politique dans l'Égypte de la XIIe dynastie. P.: H. Champion, 1956. (Bibliothèque de l'école des hautes études; 307).
 26. Erman A. Eine Revolutionszeit im alten Ägypten // Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik. 1912. № 6. S. 19–30.
 27. Erman A. Die Mahnworte eines ägyptischen Propheten // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. 1919. Jg. 42. S. 804–815.
 28. Ильин-Томич А.А. Социальный переворот в Египте в трудах В.В. Струве // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 2 (4). С. 35–47.
 29. Ладынин И.А. Социальная революция в древнем Египте: полемика и конфликт между В.В. Струве и С.Я. Лурье в 1920-е годы // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. № 6. С. 127–143.
 30. Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997.